

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. Макаренко¹

«СРЫВ ГОРЛА» ИЛИ СРЕДСТВО «УЛОВЛЕНИЯ ДУШ»?

В недавно опубликованной монографии я детально описал спор между М. К. Петровым и Э. В. Ильенковым и показал, что для разрешения спора надо занимать определенную позицию по множеству обсуждаемых проблем [1]. И каждая из них не имеет однозначных решений. Такова суть любого философского спора. Одновременно я привел точку зрения И. П. Павлова на свойства русского ума. И на этой основе сделал вывод: у кого было больше свойств русского ума – у Петрова или Ильенкова – трудно понять, поскольку критерии русского ума сформулированы Павловым в отношении массового русского ума, а не ума русских ученых и философов. Поэтому я согласен с С. С. Неретиной, что в состав такого ума входит «...интеллектуальное напряжение, доходившее до срыва горла» [2, с. 51]. Действительно, Ильенков обвинял Петрова в скрытой религиозности, одновременно полагая спасение системы воспроизводства от разрушения новым делом Христа. Было ли это простой оговоркой?

«Срыв горла», о котором пишет Неретина, охватывает все пункты расхождения взглядов Ильенкова и Петрова. Петров отмечал, что любая философия, включающая кроме человека и природы «взбесившиеся знаки» вроде Бога, Истории, Логики, Закона и ставящие их над человеком, неизбежно уходит в область теологии [3, с. 348]. Но ведь вся история мысли сводится к рефлексии об этих «взбесившихся знаках». Они входят в структуру философского мышления. Присутствуют и в споре между Петровым и Ильенковым. Значит, спор до сих пор не потерял остроты.

«Истина ничего не пробивает собственными силами, – писал Петров, – их у нее нет, нужны люди, чтобы пробить дорогу истине, а это удастся не всем и далеко не всегда» [3, с. 364]. Высказанные Ильенковым и Петровым точки зрения незримо присутствуют и в нынешних дискуссиях – такова исходная посылка данной статьи. Начну ее развивать.

В отличие от Ильенкова, Петров отрицательно относился к системе Гегеля. Здесь он не был оригинален – во всех советских учебниках по философии сообщалось, что система Гегеля есть объективный идеализм – некая второ-

¹ Макаренко Виктор Павлович, доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ.

сортная философия по сравнению с диалектическим материализмом. Но Петров отвергал также диалектический метод Гегеля, что противоречило оценкам Маркса и Энгельса. Данный аспект наследства Петрова не изучен.

Реконструкция критики Гегеля

В 1970–76 гг. Петров написал три статьи, ни одна из которых не была опубликована при его жизни. В этих статьях он анализировал три крупных проблемы: влияние диалектики Гегеля на современную науку и научную политику, на социальную ответственность индивидов и на гносеологический кризис современности. Общее резюме Михаила Константиновича в отношении данных проблем звучит так: любые варианты гегельянства создают проблему фетишизма.

Но весьма показательна то, что Петров высказывал такую оценку Гегеля при анализе конкретной и острой проблемы взаимосвязи между научно-техническим прогрессом и существованием государств [3, с. 371–379]. Действительно, авторитет науки падал по мере ее связи с государственной политикой на протяжении всего XX в. И это несмотря на то, что все важнейшие приложения науки произошли именно в XX в. Число государств за это же время увеличилось в четыре раза. Отсюда вытекает актуальность данного фрагмента наследства Петрова. В том числе для анализа ситуации, в которой находится российская наука на протяжении последней четверти века.

Петров определял систему Гегеля как философию для школьников и студентов, как основанный на теоретическом отчуждении знаковый фетишизм (в виде Нравственного прогресса, Абсолютного духа, Колеса Истории, Логик). Гегель постоянно толкает к стеллажу истории. Но его ссылки на вовремя приходящую истину бессмысленны. Истина никогда не приходит вовремя, всегда опаздывает, даже научное сообщество к ней не готово. Всеобщий разум у Гегеля превращается в воинствующего цензора и помеху новым истинам. У Гегеля разум посажен в «саморазвивающуюся клетку» тождества объективного и нравственного. Система Гегеля является теологической.

Проблему движения от незнания к знанию философия Нового времени получила в наследство от теологии. История духа – это процесс выявления мудрости божьей через познающую деятельность духовных, богодухновенных, осененных благодатью духа святого служителей церкви. Но метафора «научного поступательного движения» постоянно встречается и в современных исследованиях по науковедению, лингвистике, информатике, документалистике. Она некритически заимствована у Гегеля и потому непродуктивна, как и все абстракции.

По мнению Петрова, преемственность можно понимать активно-телеологически и пассивно-инерционно. В первом случае предполагается, что данное состояние системы научного знания целиком определяет будущие состояния системы в соответствии с началом или имманентной целью. Феномен «научного поступательного движения» у Гегеля можно объяснить только в рам-

ках пассивно-инерционной интерпретации преемственности. «Научное поступательное движение» реализуется в научной политике государства, в которой наука выступает основным объектом административных, организационных и обеспечивающих усилий для стимулирования ее развития.

Кроме того, тексты Гегеля выполняют роль эзотерического языка философского сообщества [3, с. 380–403]. Петров описал следующие недостатки данного языка: въедливость понятий, отбрасывание всех содержательных негаций, агрессивность; на гегелевском языке невозможно ставить и решать таймированные социальные проблемы; этот язык пренебрегает конечным, смертным, единичным существованием и его пространственно-временными определениями; способствует «развалу вселенной»; все направляет вниз, в абстрактную пустоту начала; содержит вселенскую лень, переносит ее на общество, логику и историю; превращает парадигмы естественных наук и наличные знаковые системы в абсолюты и фетиши; отождествляет философскую, теологическую и научно-дисциплинарную вечность, которая пылится на книжных полках.

Петров считал современных ученых *практикующими гегельянцами*, которые: не любят говорить о глубине дисциплинарных вечностей, времени их начала и конца; веруют во всемогущество научного метода; в модельно-математическом фанатизме сближаются с логико-субстанциальным фанатизмом Гегеля; видят в естественно-научных дисциплинах идеал научности и конечную цель познания; слепо копируют образцы глубоководной исследовательской техники на мелях социологии, лингвистики, психологии. Это вызывает гносеологические кризисы.

Петров считал, что в центре современного кризиса находятся проблемы природы социальности и глубины дисциплинарной вечности социальных наук.

Проблема природы социальности состоит в альтернативе:

1. Социальные институты признаются божественными или естественными. Это ведет к отождествлению познавательных позиций в естественных и общественных науках. В результате человек освобождается от ответственности за состав, способ функционирования, свойства, изменения социальных институтов (по аналогии с законами природы и физиологии).

2. Социальные институты не признаются естественными или божественными, что предполагает активное вмешательство в их деятельность: «В этом случае человек ответственен за социальность ровно настолько, насколько к ней приложима ... позиция активного вмешательства» [3, с. 395].

Выбор одного из членов альтернативы принадлежит живущему поколению людей. Оно выступает в нескольких ролях: уподобляется предшествующему поколению в процессах воспитания; выступает наследником созданной предшественниками «суммы обстоятельств»; критически оценивает наследство; ищет пути к его изменению в соответствии с собственными представлениями о должном; формирует будущее поколение по собственному образу и подо-

бию. Поэтому определение знаковых структур должно учитывать поколенческую проблематику гносеологии.

Проблема глубины дисциплинарной вечности в общественных науках возникает в контексте *противоречия* между наукой и политикой, научной и административной процедурами принятия решений, линейным и нелинейным мышлением. Для социальных наук не имеет силы концепт фундаментального знания. Если это не учитывается, социальные науки эмануруют социальную инерцию.

Для аргументации этого принципиального вывода Петров описал специфику линейного и нелинейного мышления, три фазы «настоящего-будущего», различия познавательных установок представителей линейного и нелинейного мышления. Всю эту проблематику он рассматривал в контексте общего вопроса: отличается ли предвидение в области социальных явлений от предвидения в области природных феноменов? На вопрос возможны два ответа:

1. В духе линейного мышления, которое может принимать форму естественнонаучного или гегелевского истолкования социальности. В этом случае предполагается, что мы мало знаем о социальных явлениях и о законах развития общества. Если бы знали, то могли бы предвидеть социальное будущее с такой же точностью, как в естественных науках предвидят поведение природных объектов. В результате социальные науки стоят на песке: их предмет редуцируется до библейских абстракций-констатаций (типа «всяк живущий да яст»); любые прогнозы и планы эмануруют социальную инерцию и препятствуют решению таймированных проблем.

2. Нелинейное мышление базируется на посылке: инерционные и обновляющие моменты в социальных явлениях нельзя интерпретировать в естественно-научных терминах (инерция, репродуктивность) и случая (отклонение, обновление). В этом случае главные усилия должны направляться не на поиск фундаментального знания, а на оперативное информационное обеспечение процесса выработки решения по таймированной проблематике.

Различие между линейным и нелинейным мышлением Петров иллюстрировал примерами. В XX в. сложились определенные тенденции роста национального дохода, численности населения и ученых, долголетия, расходов на науку, лага подготовки научных кадров, лага публикации. Если прогнозировать «лик будущего» по этим переменным, то уже в начале XXI в. начнется плотная область *абсурдных событий*. Например, к 2020 г. на науку пришлось бы тратить более двух третей национального дохода, число ученых превысило бы численность населения, а численность студентов на порядок бы превышала численность ученых, лаги подготовки научных кадров и публикации превысили бы средние значения долголетия, «...то есть всем пришлось бы заниматься тем, чем никому не дано было бы заниматься на этом свете»[3, с. 399]. В том же году численность любого среднего города превысит численность населения страны, все города по концентрации выхлопных газов превратятся в душегуб-

ки, автомашин будет больше, чем людей, а ездить они будут на выжженном в предыдущем десятилетии бензине.

В соответствии с этими послылками Петров разработал концепт «настоящего-будущего», в состав которого входят:

Мертвая зона социальной инерции охватывает 5–20 лет от любого пространственно-временного параметра. В этот период пространства-времени человек бессилён что-либо изменить в течении событий. *Зона социального творчества* связана с реализацией принятых сегодня решений. В этой зоне идет постоянная борьба между квазиинформацией (порождаемой опытом, естественными науками и всеми формами фетишизма) и релевантной информацией, которая не существует сегодня, но появится в конце мертвой зоны. Эту информацию невозможно включить в процесс теоретической и информационной подготовки решений из-за ее отсутствия. *Зона конечных целей* – нынешних абсолютизированных представлений о благе, лучшем из возможных миров и оптимуме. Это зона абсолютов, основанных на изучении наиболее устойчивых свойств человеческой природы и условий их социальной реализации.

Различия познавательных установок линейным и нелинейным мышлением сводятся к трем пунктам:

Линейное мышление понимает социальную систему как вариант естественной и сводит различия между естественными и социальными объектами к степени сложности. Согласно такой установке, ученый должен открывать фундаментальное знание, а не поднимать руку на реальность. Нелинейное мышление отбрасывает любой социальный презентизм, видит в любых социальных системах человеческое творение, которое можно изменить и переделать усилиями человека, рассматривает общество с точки зрения наследника, а не ученого-естественника.

Линейное мышление базируется на социальной инерции и сводит предвидение к логической процедуре вывода будущих состояний системы из наличного состояния. Нелинейное мышление занято поиском эвристического смысла выхода на таймированные проблемы и оценки меры их таймированности.

Линейное мышление при описании социальной системы исключает каузальность, опирается на некоторый набор переменных и на тенденции как историю значений этих переменных. Нелинейное мышление описывает социальную систему как точку отталкивания и объект сознательной перестройки.

Система и метод Гегеля, а также естественнонаучный подход к реальности являются гносеологическими опорами линейного мышления и потому создают еще одну таймированную проблему. Петров отмечал также, что вечности существуют в виде сакрализованного пространства, времени, массы, стоимости, монотонность которых позволяет выкраивать из них универсальные системы единиц и соответствующие шкалы измерений. Общий смысл процедуры перевода нового в наличное всегда один и тот же: новое опосреду-

ется смыслом наличного, получает смысл и переходит в наличное, а наличное модифицируется [3, с. 404–413].

Общий вывод Петрова однозначен: система Гегеля и естественнонаучное восприятие социальной реальности блокирует любые революционные изменения; в рамках учения Гегеля и естественнонаучного подхода к обществу проблемы социальной ответственности не существует. Этой установке он противопоставляет три основных тезиса: социальная ответственность реализуется в актах революционной практики; срыв любой преемственности есть монополия живущего поколения людей; социальная система есть точка отталкивания и объект сознательной перестройки.

Кредо Петрова звучит так: вне революционной практики социальная ответственность невозможна; все поколения обязаны рвать любую преемственность; все социальные системы есть объект критики и перестройки.

Философия Гегеля как оселок для критической бритвы

Позиция Петрова в оценке Гегеля противоречила гегельянскому тренду в советской философии, который сохранился до сих пор. Приведу несколько примеров.

С. Н. Корсаков считает, что А. М. Деборин *правильно* понимал метод материалистической диалектики и точно квалифицировал взгляды «механистов» как позитивистские. Из этой посылки Корсаков выводит следствие: задачи соратников А. М. Деборина в 1920-е гг. и задачи анализа диалектики «Капитала» 1950-х–1960-х гг. в трудах А. А. Зиновьева, Э. В. Ильенкова, В. А. Вазюлина были *аналогичны*: «Исследования диалектики «Капитала» 1950–1960-х гг. были наиболее ярким проявлением трудного возрождения творческой философской мысли и стали своеобразным советским вариантом неомарксизма. Во многом они были новаторскими по сравнению с западными аналогами. Но документы показывают, что ренессанс творческого диалектического марксизма мог состояться на отечественной почве значительно раньше. Соратники А. М. Деборина были людьми убежденными, теоретически подготовленными и талантливыми. Все это могло бы состояться, если бы процесс не был насильственно прерван, а философы физически уничтожены» [4, с. 107].

Если принять такой способ рассуждения, то предположительное возрождение творческого марксизма в СССР (за которое ратовали многие официальные советские философы) связывается *только* с определенной интерпретацией философии Гегеля, против которой как раз резко выступал Петров. Значит, следует признать, что гегельянское движение 1950–1960-х гг. не было оригинальным (поскольку оно заимствовало идеи у советских философов 1920-х гг.). Это может быть также косвенным доказательством иного понимания философии Маркса, которое предлагал Петров, отвергая его гегелевскую интерпретацию.

Одновременно Корсаков приводит ценный эмпирический материал, позволяющий продвинуться в ином толковании гегелевской диалектики. Груп-

па «диалектиков» под руководством Деборина в 1920-е гг. готовила для ЦК ВКП(б) обзоры о положении в философии в СССР. На проверенных марксистов возлагалась обязанность отслеживать «идеологические диверсии» в Советском Союзе. Но у Деборина и его соратников был свой интерес, связанный не только с борьбой против идеалистов, но и против тех, кто иначе, чем они, понимали марксизм.¹ По форме обзоры были информацией, а по сути – попыткой использовать политические рычаги в борьбе с оппонентами. Все это привело к тому, что в советской философии «...форма сольется с сутью и журнальную статью, докладную записку и донос в НКВД будет уже невозможно отличить друг от друга» [4, с. 113].

Иначе говоря, руководство СССР и группа диалектиков Деборина стремились к полному идеологическому контролю за философской продукцией. Эти бюрократические документы были инструментом философской борьбы. Отсюда вытекает вопрос, который я хотел бы задать последователям и исследователям Ильенкова: нельзя ли квалифицировать его маргиналии на рукописи Петрова как отдаленное следствие интериоризованного идеологического контроля, в котором автор маргиналий не отдавал себе отчета?

При этом надо учитывать, что гегельянское толкование марксизма не индифферентно к стремлению запрячь философию в государственную телегу. Г. С. Батыгин и И. Ф. Девятко показали, что советская философия – это «интеллектуально-идеологический монстр» – «советское инобытие Идеи», если использовать гегелевский жаргон [5, с. 196]. Ее основным вопросом было не отношение мышления к бытию (как писали в учебниках по философии), а вопрос о власти. В Академии наук СССР философское отделение всегда воспринималось как политотдел, которого боялись специалисты. Среди московских обществоведов шла тихая, но безжалостная война за доступ к власти в философии. В университетских городах тоже были свои «главные философы». В мае 1944 г. история русской философии превратилась в идеологически опекаемую и политически ангажированную область науки. Это запустило механизмы размывания структуры и этоса академической науки, которые проявились в экономической, философской, биологической и исторической «дискуссиях». Молодые искатели карьеры в философии переместились в область исследований, обеспеченную политической и идеологической поддержкой. К тому времени обычный (т. е., длительный) цикл академической социализации уже был разрушен. Вертикальная мобильность резко возросла. Такая ситуация сложилась в результате «выбывания» специалистов после систематических чисток и разоблачений.

Следует ли отсюда, что русский ум может существовать и в сфере философии? А.Н.Дмитриев подчеркивает, что в России на рубеже XX–XXI вв. опять возрос спрос на марксизм в пределах отечественного интеллектуального

¹ «В посылаемых в ЦК ВКП(б) обзорах философских дискуссий можно было представить своих философских противников-марксистов как ревизионистов, которые должны быть разгромлены не только идейно, но и организационно» [4, с. 112].

рынка [6, с. 492]. Поэтому Дмитриев разработал аппарат для анализа советской формы философской самобытности. Центром внимания Дмитриева является круг интеллектуалов от Г. Лукача и К. Корша до создателей «критической теории», объединенных вокруг Франкфуртского института социальных исследований. Все они были последователями диалектики Гегеля.

В итоге анализа Дмитриев приходит к выводу: в XX в. не существовало ни единого («аутентичного») марксизма, ни его «превращений» и «перетолкований». Этот вывод он подтверждает анализом мысли и деятельности выдающегося революционного гегельянца Г. Лукача. Однако при оценке гегелевской диалектики следует поразмыслить над фактом: даже выдающиеся гегельянцы (типа Лукача) «примирились с действительностью» сталинского социализма в СССР. Характерное свойство гегельянцев – переплетение философского и критического анализа высочайшего типа с грубейшим преклонением перед меняющимися распоряжениями высшего уровня партийной бюрократии: «Лукач возвел на высочайший уровень теорию всемогущего ЦК» [6, с. 212].

С.Земляной тоже проводит параллель между ситуацией в советской философии в 1920-е гг. и движением возрождения диалектики 1950–60-х гг. на основе нового прочтения «Капитала». Он полагает, что в статьях Э.Ильенкова «Идеальное» и «Превращенная форма» М. Мамардашвили в советской «Философской энциклопедии» воспроизведены точки зрения Лукача и Корша. С. Земляной считает историю марксизма в XX в. историей упущенных возможностей. Одной из них является игнорирование достижений гегельянца Лукача в книге «История и классовое сознание». С. Земляной понимает диалектику как теорию тотальностей, как развитие идей антропологизма и отчуждения в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркса. С. Земляной считает Лукача гениальным марксистским теоретиком XX века, основоположником «неомарксизма». По его мнению, идеи Лукача стали опять актуальными. Россия не пережила бум популярности работы молодого Лукача «История и классовое сознание», характерный для развитых стран в 1960–70-е гг. Поэтому С. Земляной предлагает рассматривать книгу Лукача в контексте современной ситуации в России, отталкиваясь от факта: в российском политическом пространстве отсутствует левое измерение: «Только потому, что Маркс последовал ложному примеру Гегеля, – пишет Земляной, – и исключил этическое измерение из своей концепции практики или, точнее говоря, «снял» этику в своем понимании практики, это имманентное противоречие марксизма не было замечено его интерпретаторами. Лукач в своих текстах предлагает захватывающей чередой несколько способов разрешения данного противоречия: посредством распространения на практику критериев этически безукоризненного поступка индивида; путем совмещения в философско-исторической перспективе политически правильной тактики и этически безупречной этики революционной деятельности; посредством выдвижения такой трактовки переходного периода от капитализма к социализму, которая предусматривает совмещение свободы

с необходимостью в классовой морали класса-мессии, спасителя человечества и превращение свободы в движущую силу развития ассоциированного человечества, то есть – «власть морали над институтами и экономикой, над государством и рынком» [7, с.7–69].

С. Земляной считает, что в марксизме существует коренное противоречие между политикой и этикой. Для разрешения этого противоречия Земляной предлагает соединить марксизм с веберизмом на основе идей Лукача. По его мнению, в состав «веберовского марксизма» входят определенные источники (прежде всего «История и классовое сознание» Лукача), а также позиции Вебера в области методологии, теории общества, теории истории, критики культуры. Генеральная идея Вебера о рационализации как основополагающей черты западной цивилизации связана с проблемой овеществления, которая определяет композицию «Истории и классового сознания».

Здесь надо напомнить, что мысль о противоречии между политикой и этикой в марксизме была высказана более сотни лет назад, но ни к каким особым теоретическим достижениям не привела. Эта проблема была поставлена уже Макиавелли, присуща всей европейской цивилизации, и марксизм никакого приоритета в ее решении не имеет [8]. Одновременно надо учесть, что Петров резко критиковал любые варианты рационализации, рассматривая их как вырождение творчества. Значит, оценка Гегеля Петровым остается актуальной для критики гегелевской интерпретации философии Маркса. Однако Петров выбивается из общей тенденции послевоенной советской философии. Он никогда не стремился превратить философию в средство карьеры, к идеологической опеке над философией и ее политической ангажированности относился отрицательно.

Свое отношение к линии Гегеля-Маркса я излагал многократно – при обсуждении проблем различия между гегелевским и марксовым подходом к государству и бюрократии, философии истории и русской власти, аналитической политической философии, и здесь не буду повторяться. Отмечу только, что все предметы спора и позиции в нем, по сути, остались неизменными в современной российской философско-исторической мысли. Замена монизма дуализмом, а формационной парадигмы цивилизационными концепциями ничего не изменила [см., например, 9, 10]. Значит, концепция Петрова остается важным средством для возврата к этой проблеме, поскольку Петров отвергал любые «решенные вопросы».

Еще раз напомню выводы Петрова. Все варианты гегельянства создают проблему фетишизма. Анализ любых вариантов практического воплощения гегельянства является предпосылкой критического отношения к естественно-научному подходу к действительности, а также к государственной политике в области науки. Общественные науки возникают в контексте противоречия между наукой и политикой, научной и административной процедурами принятия решений, но не в состоянии разрешить это противоречие. Поэтому

анализ любых вариантов практического воплощения гегельянства, включая знаковые (и родственных ему методологических ориентаций) является предпосылкой критического отношения к государственной политике в области науки. И наоборот: анализ государственной политики в области науки является эмпирическим материалом для опровержения системы и метода Гегеля.

Иначе говоря, философия Гегеля остается актуальной как оселок, на котором можно точить критическую бритву в отношении любых форм фетишизма. В этом смысле критика Гегеля Марксом, Петровым и другими мыслителями остается актуальной, поскольку в современной России есть сторонники Гегеля и неомарксизма [см., например, 11]. Наследство Петрова можно использовать как для критики Гегеля, так и всей гегелевской традиции, включая ее автохтонное, советское и постсоветское воплощение (я имею в виду взгляды И. А. Ильина, А. Кожева и иных модных нынешних философов-гегельянцев).

Проблема регенерации типов советских людей

Таковы теоретические послышки моей рабочей гипотезы. Теперь приведу личное воспоминание. Из лекций Петрова навсегда запомнил его ответ на один из моих вопросов: если вы опираетесь на факты, то факт должен быть, как глыба. Глыбой может служить факт: гегельянец Лукач был связан с разведкой по линии Коминтерна, выполняя при этом роль «ловца душ», а не разведчика или агента [6, с. 452]. Значит, ловля душ входит в состав не только религии, но и разведки. Здесь можно сослаться на полковника Лоуренса, который тоже ловил арабские души, учил их взрывному делу и партизанскому движению, хотя к гегельянству никакого отношения не имел. Я предлагаю рассматривать факт связи Лукача с разведкой на фоне свежих постсоветских констатаций.

Вот бывший диссидент Г. Павловский в предисловии к книге Н. Н. Козловой пишет: «Советское попросту отделилось и освободилось от ностальгии по СССР. И вырисовывается сокровище советской цивилизации, которое предстоит оценить. Они здесь, ее чеканы и образцы уже не выскоблить из опыта будущего человечества... Советская проблема возобновляется как проект справедливого глобального руководства, основанного на знаниях. Советский Союз – общемировой клад социальных, государственных и экзистенциальных моделей... Всякая государственная система в России, какой бы та ни была, будет основана на советском фундаменте, и работать будет с вечной библиотекой советских национальных и культурных образцов» [12, с. 3–5].

Такой ход мысли известен давно: «лучший из миров» расположен в своем хуторе; а то, что было вчера, лучше того, что есть сегодня; поэтому СССР лучше России. Этот пример лишний раз свидетельствует о популярности линейного мышления, отвергаемого Петровым, и об актуальности идей Петрова (как любят писать диссертанты). Но почему бывший диссидент, а теперь – кремлевский политолог, написал предисловие к исследованию покойной Натальи Козловой? Как известно, диссиденты, а вслед за ними и большинство нынешних российских журналистов квалифицируют советских людей как

Homo soveticus. Н.Н.Козлова с этой тенденцией не согласна. На основе анализа «Народного архива» (дневников простых советских людей) она описала ментальную карту одиннадцати типов советских людей.

Моя гипотеза будет чисто классификационной. Предлагаю воспользоваться учением о базисе и надстройке, которое я вычитал из учебников по философии. Базисом пусть будут одиннадцать типов советских людей. А надстройку обозначить типами советских философов по типологии Л. Столовича. В результате, получим сеть для описания сорока четырех антропологических типов постсоветской философии. Во внешней политике СССР диалектик Лукач выступал «ловцом душ», а во внутренней политике ту же роль выполняли книги классиков марксизма.

Чтобы связать внутреннюю политику с внешней, послушаем выводы Н. Н. Козловой. Самое главное, считает она, эти люди готовы были все *протить* государству в любой момент: «И этот момент прощения, восстановления поправной было чести для многих, вероятно, был переломным моментом в жизни, после которого они, благодарные, начинали этому государству служить – конечно, с разной степенью истовости»[12, с. 486].

Итак, новая ментальная карта типов людей, которую предложила Козлова, воплощает старую гегелевскую идею о *тождестве* государства и типов людей. Правда, Гегель ограничивал это тождество формами политического мышления, но они имеют свой социально-экономический аналог.

Анализируя спор между Э. В. Ильенковым и М. К. Петровым по проблеме отношения к философии Гегеля, следует признать, что все варианты гегельянства создают проблему фетишизма. Общественные науки возникают в контексте противоречия между научной и административной процедурами принятия решений, но не в состоянии разрешить это противоречие. Поэтому анализ вариантов практического воплощения гегельянства является предпосылкой критического отношения к государственной политике в области науки. И наоборот: анализ государственной политики в области науки является эмпирическим материалом для опровержения системы и метода Гегеля.

Литература

1. Макаренко В. П. Практикующие гегельянцы и социальная инерция: фрагменты политической философии М. К. Петрова. Ростов-на-Дону, Март, 2013.
2. Неретина С. С. Михаил Константинович Петров. Жизнь и творчество. М., УРСС, 1999.
3. Петров М. К. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996.
4. Корсаков С. Н. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом. К 80-летию Ин-

ститута философии РАН. Ред. Гусейнов А. А. и др. М., Прогресс-Традиция, 2009.

5. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Трудные послевоенные годы.
6. Дмитриев А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920-1930-е гг. СПб, Изд. Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; М., Летний сад, 2004.
7. Земляной С. История, сознание, диалектика. Философско-политическая мысль молодого Лукача в контекстах XXI века // Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. / перевод, предисловие С. Н. Земляного. М., Логос-Альтера, 2003.
8. Берлин И. Оригинальность Макивелли // Человек. 2001, № 3–5.
9. Следзевский И. В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып. 4. М., 1997.
10. Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсный анализ публикаций последних лет // Новое литературное обозрение. 2003. № 1/59.
11. Мареев С. Н. Из истории советской философии: Лукач-Выготский-Ильенков. М.: Культурная революция, 2008.
12. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.